

Культура —
1999. — 14-20
Янв. — С. 7

Гелена и Виктор

Вишневецкая
Инна

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

20.01.99

“Перекресток” Л. Зорина в Театре-центре имени М.Н. Ермоловой

Я все помню. Помню, как в далеком 1966 году Леонид Зорин читал свою новую пьесу “Варшавская мелодия”. Мы слушали, затаив дыхание. Сказку о романтической любви, в то время как все больше шли на театре произведения из железа и бетона, где новаторы бились с консерваторами. И вдруг — очаровательная полька Гелена, а рядом чудесный русский паренек, только что вернувшийся с фронта, и несказанная, единственная в мире любовь новых Ромео и Джульетты, безумная, овеянная хмельной радостью Победы. И препятствия были для этой любви — только что вышел после войны, словно трагический “свадебный подарок” для молодых, указ, по которому в Советской России запрещались браки с иностранцами. И он, боец, победивший фашизм, ослабел перед новым, теперь уже “родным” фашизмом, и она, слезная, стала сильной, ушла в одинокую, безлюбивую жизнь. Но именно этот общественный конфликт зоринской пьесы как-то неособенно задел нас тогда — хотелось неотрывно смотреть и смотреть на Гелену и Виктора, слушать их любовные признания, замирать от счастья узнавания, содрогаться от опасности никогда не узнать такой любви.

А потом был спектакль, где Юдита Борисова и Михаил Ульянов в режиссуре Рубена Симонова великим дуэтом “спели” эту Варшавскую мелодию, поставив своих героев в ряд классически бессмертных. А то, что солдат военной Победы потерпел поражение в мирное время, как-то проходило мимо, не казалось трагедией: они еще встретятся, он еще переборет все трудности — в душе пела любовь.

И вот случилось необыкновенное, что бывает только с произведе-

ниями, снискавшими поистине народное признание. Автор написал продолжение — своеобразную “Варшавскую мелодию” — 1998, названную им сегодня “Перекресток”. Так Дюма писал свои “Десять...” и “Двадцать лет спустя”, чтобы человечество не расставалось с д’Артаньяном. Так писал Конан Дойл все новые и новые новеллы о Шерлоке Холмсе — легенды не должны умирать.

Сегодня, когда прошло около 30 лет после премьеры спектакля “Варшавская мелодия” у вахтанговцев, те же герои, но на склоне лет вышли на ермоловскую сцену. Она — Элина Быстрицкая, Он — Владимир Андреев. Обратим внимание, что теперь у этих людей нет имен. Гелена и Виктор стали типическими, исключительные некогда характеры за годы, что мы не встречались с ними, сделались нарицательными, исторически выверенными, общественно зафиксированными.

Однако каких изумительных актеров притягивает к себе эта пьеса. Борисова и Ульянов в этих ролях — уже легенда русской сцены, Быстрицкая и Андреев, Она и Он, — настоящее наше театральное чудо. Такие артисты есть только в России, не хочу говорить звезды, так много теперь звезд на сценическом небосклоне, что уж и не уместаются, просто скатываются и скатываются, не успеваешь даже загадать желания. Только в России есть Владимир Андреев, раскрывающий душу роли через душу собственную. Не последнее дело для актера и внешняя, яркая, праздничная мужская красота, когда вокруг, и в зрелищах, и в жизни, вместо мужчин — одни гермафродиты: истинно мужское начало — своеобразный гарант того, что общество наше смо-

жет однажды стать рыцарским и надежным. Что уж говорить о красоте Элины Быстрицкой, ведь актриса — это отобранное профессиональ и славой особое, прекрасное лицо. И кого бы она ни играла, красота не позволяет уйти из театра без надежды, ведь красота все-таки спасает мир.

Что же сегодня разглядели артисты в старых наших знакомцах, встретившихся в одном из зарубежных аэропортов после долгих-долгих лет совместного небытия и не узнавших друг друга? То есть Она все же узнала его — более тонкая это натура, сильнее горят в ее сердце старые воспоминания. Он же, исповедуясь случайной спутнице, так и не разглядел в ней первую свою любовь. Теперь актеры играют не столько историю конкретных людей, частной их жизни, сколько два разных мироощущения, историю разных общественных порядков, что сложились в мире после войны. В причудливом, мелодраматическом, трагедийном, комическом, гротескном, фарсовом, символическом дуэте раскрылись сейчас не просто Он и Она, раскрылся Он, уже воспитанный советским строем, Он, уже примирившийся с тем, что его великая победа стала трусливым его поражением, Он, уже естественно воспринимающий себя маленьким винтиком тоталитарной машины, Он, возмущающийся “наглой” сытостью буржуазного Запада, Он, в желтых туфлях и черных носках, Он — сама история послевоенного советского человечества. Но самое страшное — что Ему это не страшно. Когда-то, когда Виктора играл Ульянов, мы еще надеялись — любовь победит смерть, теперь, когда Его сыграл Андреев, — все глухо, и в глазах, и в сердцах. Перед нами милый, честный, трудо-

любивый, достигший в своем деле успехов, порядочный человек. Но как же мало всего этого для великой любви, что лишь однажды пересекает жизнь человека. И, быть может, потому-то и не узнает герой Андреева Ее, что стал подлинно советским человеком — ему ли внимательно вглядываться в случайные и всегда заведомо чужие “иностранцы” лица.

А рядом — Она, все еще прелестная, изысканная, не потускневшая, ни с чем не примирившаяся и глубоко несчастная. Она, какой играет ее Быстрицкая, наверное, придумала свою наполненную женскую жизнь, всех этих мужей и любовников. Ничего не было. Был всегда только Он. И потому Она сразу узнала Его, ничто, кроме этой любви, не занимало ее сердца.

В финале, рассказав друг другу о том лучшем, что было в их жизни, то есть друг о друге, они расходятся. Он как-то внешне спокойно, Она — играя и хитря, чтобы скрыть боль. С тайной досадой, со скрытым ужасом смотрела Она все эти долгие часы на Него, чтобы понять: теперь, и уже безвозвратно, все кончено. Оставшись одна, горько плачет героиня Быстрицкой, но это едкие слезы похороненной надежды. Как это страшно, что он не узнал ее, как это хорошо, что он не узнал ее, ибо им не по пути. Роковым все равно был бы этот союз души еще живой с душой, уже охладившей. Он — уходит вроде бы и обогащенный: познакомился, как ему представляется, с прекрасной польской писательницей Хмелевской, будет о чем рассказать сослуживцам...

Перекресток опустел. Теперь уже навсегда. Разные побежали от него дороги.

Инна ВИШНЕВСКАЯ

Фото В. ЗУБАРИНОВОЙ

Ю. Борисова и М. Ульянов в спектакле “Варшавская мелодия” (1967 г.)

Э. Быстрицкая и В. Андреев в спектакле “Перекресток” (1998 г.)